



Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы



Материалы
VI международной
научной конференции
Киев, 10–12 октября 2013 г.

Дебаты

Ельцин Центр

РОССПЭН
Москва
2014

кретарь Мордовского ОК ВКП(б) Н. Г. Уморин, первый секретарь Дубенского РК ВКП(б) К. А. Нуянзин, другие ответработники, часто собиравшиеся у П. В. Галаева, злословили по адресу Сталина и Кагановича[40]. Органы госбезопасности фиксировали типичные высказывания: «Сталин управлять страной не может, если бы его убили, народ стал молиться за то, что убили»[41] Неслучайно И. В. Сталин делает пометку на докладных записках НКВД, предлагая Н. Ежову по Мордовии «пройтись метлой»[42].

Учреждения	Год	Всего работников	Из них мордвы		Общий % коренизации
			мокша %	эрзя %	
Наркоматы	1935	335	6,8	23,2	30,0
	1937	481	10,4	19,3	29,7
Государственные учреждения	1935	258	14,3	24,4	38,7
	1937	444	9,2	19,4	28,6
Хозяйственные и кооперативные организации	1935	236	5,9	15,2	21,1
	1937	235	7,2	12,8	20,0
Всего по республике	1935	829	8,9	21,3	30,2
	1937	1160	9,3	18,0	27,3

Таблица составлена на основе: ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 5. Д. 174. Л. 40–41.

Таким образом, коренизация кадров, проводившаяся в Мордовии в форме «мордвинизации», имела двойственные последствия. С точки зрения мордовского этноса она формировала национальную элиту, хотя и невысокого качества. С точки зрения региона от управления были отстранены наиболее обученные и имеющие опыт работы кадры, что вызвало их миграцию за пределы республики. Качество системы управления упало по ряду направлений достаточно низко, что, в конечном счете, сказалось на региональном развитии.

[40] ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 2. Д. 339. Л. 23.

[41] Там же. Оп. 1. Д. 860. Л. 23.

[42] Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 300.

Е. Ю. Борисёнок

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В УССР В ПЕРИОД КОРЕНИЗАЦИИ

В 1920-е гг. общественная жизнь в Украинской ССР отличалась большой активностью и напряженностью, обусловленной как социально-экономическими реформами большевиков, так и их практикой национального строительства в рамках проводившейся политики коренизации/украинизации. Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации со всеми присущими ей особенностями. На практике это выразилось в привлечении украинских кадров на работу в советские и партийные органы, введение обучения на украинском языке, создание системы национальных научных институтов, издание на украинском языке газет и журналов, поощрение развития украинской литературы и искусства.

Политика коренизации вынуждала пересмотреть категорию лиц, осуществлявших управление обществом на основе национального подхода к подбору партийных и советских кадров. Теперь, чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать национальный язык, а еще лучше, быть «представителем коренной национальности». Кроме того, на руководящие должности активно выдвигались представители социально надежных групп – рабочих и крестьян. Таким образом, большевики, стремясь обрести опору в национальной среде, создали представителям «коренной национальности» преимущественные условия для карьерного роста в управленческих структурах.

Однако сразу выполнить все обязательства по украинизации партийного и советского аппарата было трудно: не хватало грамотных украинцев из рабочих и крестьян. Для Украины это составляло существенную проблему, поскольку чиновники были почти поголовно русскоязычными. В итоге, в результате проведенной в апреле 1925 г. проверки работников советского аппарата высшего уровня выяснилось, что только 32 % из них были готовы работать на украинском

языке, а 68 % абсолютно не владели украинским языком[1]. На 1 января 1926 г. только 22,2 % сотрудников наркоматов хорошо знали украинский язык, при этом совершенно не знали – 41,8 %. В округах в соваппарате хорошо знали язык 22,4 %, не знали – 31,8 %. Плохо знали украинский язык и сотрудники центрального аппарата хозяйственных органов – только 9,6 % (не знали – 43,8 %)[2].

Основные постановления, определявшие механизмы коренизации, предусматривали жесткие меры в отношении чиновников, не желавших изучать украинский язык. Ограничения по языковому признаку при приеме на работу предусматривались и постановлением от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», и от 30 апреля 1925 г. «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», и от 6 июля 1927 г. «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». В этих документах речь шла о запрете принимать на работу в государственные организации служащих, не знающих украинского языка. В отношении лиц, замеченных в «отрицательном отношении к украинизации», т. е. не выучивших за положенный срок украинский язык, должны были приниматься строгие меры – они должны были быть уволены[3].

Впрочем, в 1923–1924 гг. руководство УССР предпочитало осторожный подход, рассчитывая на «естественный ход событий», и не торопилось реализовывать объявленные жесткие меры по отношению к чиновникам. Однако после того, как генеральным секретарем ЦК КП(б)У стал Л. Каганович, за украинизацию чиновничьего аппарата принялись весьма активно. В Харькове была проведена проверка знаний украинского языка у чиновников. Соответствующая заметка была напечатана в газете «Комуніст» 10 апреля 1926 г. В результате проверки 12 наркоматов выяснилось, что «из 2549 человек служащих, хорошо владеющих языком – 484, удовлетворительно – 1134 и совершенно не знакомых с языком – 931 человек. ...Лица, не знающие украинского языка без уважительной причины, из наркоматов увольняются. В настоящее время из пяти наркоматов уволено уже 27 работников». В трестах и торгово-промышленных предприятиях «дело с украинизацией обстоит хуже»: «...из 2913 работников в 37 трестах и предприятиях хорошо знают украинский язык 255 человек, средне – 1077 и совершенно не знают 1581 чел.»[4] Проверки периодически повторялись. В ноябре 1926 г. известный украинский общественный деятель, литературовед, академик С. Ефремов записал в своем дневнике: «За украинизацию берутся не на шутку. Как раз теперь проводится в учреждениях проверка, и кто не знает украинского языка, тех выгоняют со службы»[5]. Конечно, усилия по украинизации советского аппарата не могли не вызывать недовольства у сотрудников многочисленных учреждений. Впрочем, помешать украинизационным планам партийного и советского руководства мог лишь массовый отъезд из УССР квалифицированных специалистов, заменить которых было гораздо сложнее, нежели рядовых служащих. Признаки такой угрозы ощущались: в переписке между Центральной комиссией по украинизации при СНК и Комиссией Политбюро по украинизации в 1926 г. достаточно часто поднимался вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву[6].

20 декабря 1926 г. Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации приняла решение, касающееся «украинизации ответственных работников советских учреждений УССР». Комиссия констатировала, что «неусвоение украинского языка ответственными работниками и квалифицированными работниками негативно влияет на украинизацию в целом. Комиссия Политбюро обращала внимание Центральной всеукраинской комиссии по украинизации совaппарата при СНК на то, «что ею мало уволено квалифицированных работников за то, что они не выучили украинский язык», и предлагала ей «через окркомиссии украинизации совaппарата уволить ответственных и квалифицированных работников учреждений, которые до этого времени не овладели украинским языком и вообще невнимательно относятся к украинизации, согласовав увольнение с окружкомами КП(б)У». В ряды советского аппарата, особенно на ответственные должности, следовало привлекать украинцев[7]. Однако жестко применять намеченный курс не получалось. Количественные показатели украинизации не всегда приводили к качественному улучшению работы учреждений и организаций. 24 июля 1928 г. Всеукраинская центральная комиссия по украинизации вынуждена была смягчить требование в отношении квалифицированных специалистов. В принятом постановлении говорилось: «Учитывая то, что трудно подобрать высококвалифицированных сотрудников, знающих украинский язык, для работы в государственных учреждениях и предприятиях СССР, ко-

[1] Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 77.

[2] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 7.

[3] См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. «Могут быть... уволены без выдачи выходного пособия»: о том, как срочно проводили полную украинизацию // Родина. 2013. № 8. С. 110–113.

[4] Украинизация наркоматов и трестов // Комуніст. 10 апреля 1926.

[5] Єфремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 431.

[6] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 82.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216.

торые действуют на территории УССР, допускается временно вести делопроизводство и счетоводство в означенных учреждениях и предприятиях вместе с украинским и на русском языке. Чтобы облегчить прием на работу в государственные учреждения и предприятия высококвалифицированных специалистов, допустить прием на работу в государственные учреждения и предприятия лиц, не владеющих украинским языком... Для отдельных лиц и категорий лиц Всеукраинская центральная комиссия украинизации при СНК УССР может устанавливать специальные сроки для усвоения украинского языка либо языка большинства местного населения»[8]. Таким образом, руководство УССР пыталось действовать не только «кнутом», но и «пряником». С одной стороны, чиновников заставляли бояться увольнения, но с другой – сроки завершения аппаратной украинизации были перенесены сначала на 1 января 1927 г., а потом на 1 июня 1929 г.[9]

Большевистское руководство использовало несколько источников пополнения украинских кадров. Чтобы повысить процент украинцев в управленческих структурах, на первоначальном этапе использовались различные «подозрительные элементы». На Украине к их числу следует отнести представителей национал-коммунистических партий: ЦК КП(б)У добился их самороспуска и включил их членов в КП(б)У на индивидуальной основе. На 1 января 1926 г. в КП(б)У состояли 5100 выходцев из других партий, что составляло 3,4 % от ее общей численности[10]. Однако в дальнейшем они оказывались первыми кандидатами на исключение из партийных рядов при проведении «чисток», и к 1938 г. в КП(б)У не осталось ни одного из них.

Другим источником пополнения украинских кадров в середине 1920-х гг. стали представители «старой» украинской интеллигенции, продемонстрировавшие лояльное отношение к советской власти. В УССР довольно активно привлекались выходцы из Галиции. В одном из писем известный украинский историк и политический деятель М. Грушевский писал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины. Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М. Яворский, К. Коник, М. Баран; ученым секретарем Наркомпроса были А. Бадан-Яворенко, а затем И. Зозуляк; личным секретарем украинского наркома просвещения Н. Скрыпника был галичанин Н. Ерстенюк. Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз революционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины[11].

Однако использование «старых» кадров было вопросом времени. Основные усилия партийного руководства были направлены на «выращивание» новой – советской – украинской элиты за счет выдвижения украинцев на руководящие посты в советском, партийном, административно-хозяйственном аппарате и подготовки молодого поколения украинских специалистов в учебных заведениях. Среднее и низшее звено партийных и советских кадров готовили совпартшколы. В УССР в 1928 г. их было 524. На подготовку руководителей высшего звена был ориентирован созданный в 1922 г. Коммунистический университет им. Артема. После провозглашения курса на коренизацию, 27 июля 1923 г. было принято решение об украинизации совпартшкол по всей Украине. Украинский язык вводился и в Коммунистическом университете им. Артема[12]. Одновременно значительно изменился и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом увеличивалось число украинцев среди студентов за счет сокращения евреев и русских. Если в 1923/1924 уч. г. студентов-украинцев был только 31 %[13], то к 1928 г. их число достигло 54 %, техникумов – 63 %[14]. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше – 62,8 %, в 1930 г. – свыше 70 %[15].

Постепенно усилия большевистского руководства стали приносить плоды. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1 %, то в 1927 г. – уже 52 %, в 1933 г. – 60 %[16]. При этом партийный аппарат значительно обновился. Так, если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26 % украинцев, то в 1927 г. их было уже 46 %, а в 1928 г. – 55 %; среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48 % украинцев, а через год – уже 60 %[17]. Обновлялся не только партийный, но и советский, и хозяйственный аппараты. Уже к началу 1927 г., т. е. спустя четыре года после XII съезда пар-

[8] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5.

[9] «Українізація» 1920–30-х років... С. 83.

[10] Бриндак О. Б. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-ті роки XX століття. Одеса, 1998. С. 135.

[11] Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки XX ст. Київ, 1994. С. 28–42.

[12] «Українізація» 1920–30-х років... С. 64–65.

[13] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 196.

[14] «Українізація» 1920–30-х років... С. 94, 96.

[15] Там же. С. 102.

[16] Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 135, 195.

[17] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 160.

тии, принявшего курс на коренизацию, украинизация кадров по отдельным отраслям работы достигла определенных успехов. Согласно данным Организационно-распределительного отдела ЦК КП(б)У, процент украинцев по отдельным отраслям работы[18] был следующим: в культурно-просветительной сфере достигал 50 % (русских – 17,1, евреев – 23,0); в советском административном аппарате – 44,3 % (русских – 28,4, евреев – 18,7); в кооперативной отрасли – 43,5 % (русских – 29,2, евреев – 19,0); в планово-регулировочной – 43,2 % (русских – 29,2, евреев – 21,5); в профессиональной – 39,6 % (русских – 27,3, евреев – 26,2); в промышленной – 28,3 % (русских – 47,9, евреев – 15,3); в финансово-банковской – 26,4 % (русских – 37,0, евреев – 29,5); в торговой – 20,3 % (русских – 35,1, евреев – 41,9); в области транспорта и связи – 26,3 % (русских – 60,6, евреев – 2,6)[19].

Кадровая политика в условиях коренизации способствовала формированию украинской советской элиты. При этом последняя стремилась укрепить свое положение, пытаясь расширить свои полномочия в рамках советской системы. Предметом спора было распределение ресурсов, фондов, кадров. Украинские руководители были заинтересованы в увеличении капиталовложений, тогда как центр выступал за минимальные объемы капиталовложений при максимальных темпах производства. Такие настроения противоречили сталинскому стремлению к полному контролю за происходившими в нарождающейся советской украинской элите процессами. Чтобы создать послушную элиту и не допустить формирование в ее среде каких-либо ведомственных групп, сталинское руководство использовало жесткие методы: периодические «чистки» партийных рядов и репрессии.

Первый удар был нанесен по остаткам старой украинской интеллигенции: с появлением нового – советского – ее поколения необходимость в использовании «буржуазных» специалистов отпала. В ноябре 1929 г. председатель ГПУ Украины В. Балицкий доложил Политбюро ЦК КП(б)У о раскрытии и ликвидации контрреволюционной организации Союз освобождения Украины. В 1931 г. появилось новое «дело» – Украинского национального центра, и первоначально роль «главаря» этой организации отводилась М. Грушевскому.

Следующий удар был направлен на местное партийно-советское руководство. Сталин был заинтересован в установлении строгой вертикали власти и создании такой же вертикали послушных исполнителей, т. е. в формировании «гомогенной и послушной элиты»[20]. Жесткая установка на усиление централизации сопровождалась разворачиванием широкой кампании против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Искоренить «контрреволюционные элементы» должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»[21]. Например, в течение мая–декабря 1933 г. в результате чистки в четырех областях УССР из прошедших «чистку» 267 907 коммунистов отсев составил 84 653 человек[22].

Пополнение рядов партийного и государственного аппарата, «обескровленного» чистками, проходило за счет выдвижения новых украинских кадров. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров». Украинское партийное руководство предлагало отделу руководящих парторганов вместе с обкомами выдвинуть не менее 120–150 украинцев на посты секретарей районных партийных комитетов, и 120 человек – на посты председателей райисполкомов. Одновременно из состава руководителей райкомов и райисполкомов, украинцев по национальности, предлагалось выдвинуть кандидатов на областную и центральную партийную и советскую работу[23]. Через несколько месяцев, 5 июля 1935 г., вышло еще одно постановление ЦК КП(б)У, в соответствии с которым руководители разных наркоматов в ближайшее время должны были представить свои планы увеличения процента украинцев в своем составе[24]. 29 августа 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло резолюцию «Об украинизации в областях» и поручило главе отдела пропаганды и агитации ЦК З. Ашрафяну организовать обследование Донецкой, Днепропетровской и Одесской областей[25]. В докладных записках комиссий по проверке областей критиковалось состояние украинизации, и в том числе отмечалось, что недостаточно внимания

[18] Перечень отраслей дан в соответствии с документом.
[19] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2455. Л. 110.

[20] Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 265.
[21] Постановление политбюро ЦК КП(б)У от 26 мая 1933 года «О чистке партии» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.
[22] Національне питання в Україні XX – початку XXI ст. Історичні нариси. Київ, 2012. С. 229.
[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102.
[24] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 84, 93; Д. 385. Л. 19, 20, 27, 75; Д. 421. Л. 166; Д. 422. Л. 39–40, 58.
[25] Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 92.

отводится выдвижению украинских кадров[26]. Ашрафян докладывал С. Косиору и П. Постышеву, что обкомы не осуществили надлежащего перелома в кадрах партийных и советских работников, недооценили политического значения указаний ЦК по украинизации[27]. Примерно через год, 29 октября 1936 г., секретариат ЦК КП(б)У принял постановления об итогах чистки Харьковской и Днепропетровской областных парторганизаций. В этих постановлениях подчеркивалось, что парторганизации не выполнили указания о выдвижении на партийную работу украинских большевистских кадров, и указывалось на недопустимость снижения процента украинцев[28]. Одновременно продолжалась подготовка квалифицированных украинских кадров в учебных заведениях республики: на 1 января 1936 г. украинцев среди студентов вузов было 53,7 %, техникумов – 75,3, рабфаков – 65. Русских студентов было в вузах – 15,4 %, в техникумах – 10,3, на рабфаках – 16,2; евреев среди студенчества насчитывалось соответственно 26,1, 9,6, 15,2 %[29].

Таким образом, кадровая политика большевиков в период коренизации была направлена на повышение численности украинцев в партийном и государственном аппаратах. «Старая» украинская интеллигенция, использовавшаяся большевиками на первоначальном этапе советского строительства, была устранена в процессе политических «чисток» и репрессий. Рекрутирование в состав создающейся этнополитической элиты шло в республике за счет представителей «коренной национальности», причем определенных социальных слоев (рабочего класса и крестьянства). Применение карательных мер и бесконечные кадровые перестановки создавали условия для постоянного пополнения извне правящего слоя, что препятствовало процессам внутренней консолидации и в значительной степени облегчало верховной власти контроль за протекавшими в элитной среде процессами. В то же время жесткая централизация, особенно усилившаяся в 1930-е гг., создавала условия для продвижения вверх и обуславливала вхождение «верхов» республиканской элиты в состав центральной союзной элиты.

---

[26] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 38, 93.

[27] Там же. Л. 125.

[28] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 209, 210.

[29] Єфіменко Г. Г. Указ. соч. С. 187.

А. Г. Тепляков

ШОВИНИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В ОРГАНАХ ВЧК–МГБ–МВД СССР (1918–1953 гг.)

Национальные аспекты советских политических репрессий разрабатываются очень активно, однако пока нет подробных исследований, которые бы позволили оценить распространенность шовинистических и националистических настроений внутри чекистской корпорации и влияние данных субъективных факторов на проведение репрессивной политики. Между тем многонациональный состав советской карательной системы оборачивался как масштабным уничтожением целых слоев работников НКВД, национально связанных с государствами, враждебными СССР, так и созданием национально окрашенных кланов вокруг известных чекистов неславянского происхождения.

Все изменения в национальной политике государства отражались в деятельности карательных органов. Постоянные слежка и репрессии против «националов» провоцировали, особенно в момент массовых карательных ударов, шовинистические настроения в ВЧК–МГБ. Широкие проявления бытового и идеологического шовинизма и национализма, распространенные во всех слоях общества, активно проникали в органы тайной полиции. Часть русских чекистов, действовавших в республиках как типичные колониальные чиновники, высказывала агрессивно-шовинистические настроения в отношении «инородцев».

Внутри советской тайной полиции видны разные степени шовинизма – от снисходительно-покровительственного отношения к «отсталым азиатам» или «еврейчикам» до брезгливой враждебности и крайней ненависти. Самая известная агентурная разработка разведчиков Приморья 1920–1930-х гг. поначалу носила название «Макаки»[1], поскольку именно так партизаны и чекисты со времен Гражданской войны называли японцев. Но среди чекистов было много и сторонни-

---

[1] См.: Николаев С. «Маки-мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

История сталинизма. Дебаты

СОВЕТСКИЕ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА в 1920–1950-е годы

Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г.

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *М. А. Айламазян*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *М. А. Богданова*
Корректор *Т. В. Федоркова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.10.2014.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 43.
Тираж 1000 экз. Заказ 6270

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10